

В память о:

Еве-Рут

Салли

Джонатане

Мальше Курте

Великане Курте

Светлом Герте

Бойком Герте

Элло из Словакии

Менделе из Белостока

Йендро из Богемии

Морисе из Салоник

Голландце Лео

Швейцарце Полди

Пане Полаке из Чехии

Бельгийском докторе из блока 7а

Немце Зиги, штубовом* в блоке 7а

Блоковом из 7а, немце

Лагерном парикмахере-немце

---

* Штуба — «комната» в блоке/бараке.

Содержание

Две пирамиды.....	8
Предисловие	9
Введение.....	14
Пролог. Неизвестное будущее	17

Часть первая

<i>Глава 1. Штеттин и Бойтен .....</i>	<i>19</i>
<i>Глава 2. Берлин .....</i>	<i>30</i>
<i>Глава 3. Берлин .....</i>	<i>37</i>
<i>Глава 4. Ликвидация.....</i>	<i>45</i>

Часть вторая

<i>Глава 5. Освенцим .....</i>	<i>62</i>
<i>Глава 6. Карантин .....</i>	<i>83</i>
<i>Глава 7. Школа каменщиков.....</i>	<i>92</i>
<i>Глава 8. Выживание .....</i>	<i>109</i>
<i>Глава 9. Истощение.....</i>	<i>126</i>
<i>Глава 10. Отчаяние .....</i>	<i>142</i>

Часть третья

<i>Глава 11. Милосердие посреди хаоса. . . . .</i>	151
<i>Глава 12. Ветеран . . . . .</i>	168
<i>Глава 13. Ветер перемен. . . . .</i>	177

Часть четвертая

<i>Глава 14. Бегство от свободы . . . . .</i>	205
<i>Глава 15. Лагерь Гросс-Розен . . . . .</i>	217
<i>Глава 16. Эвакуация. . . . .</i>	225
<i>Глава 17. Бухенвальд . . . . .</i>	231
<i>Глава 18. Наконец-то мы свободны. . . . .</i>	255

Эпилог	275
------------------	-----

Послесловие Чарльза Инглефельда	280
Биографические заметки	283
Благодарность	285

Две пирамиды

Мендель с такой гордостью рассказывал нам о поездке в Москву. Его пригласили выступить на спортивном фестивале — он стоял на вершине гимнастической пирамиды.

Дорогой Мендель, ты вернулся в Москву. Но в этот раз мы вместе стоим на вершине пирамиды из книг.

Томас Гив

Июнь 2021

Предисловие

Считалось, что люди, пережившие Холокост, после окончания Второй мировой войны замолчали. И в этом есть доля правды, многие просто не могли вспоминать о столь тяжких страданиях, а некоторые не могут и по сей день. Но были и те, кто хотел говорить. Они обещали другим узникам, многие из которых погибли, что засвидетельствуют случившееся перед всем миром. И они пытались, но мир не мог, а порой и не хотел их слушать. Свидетели Холокоста не молчали. Их заставили замолчать.

Томас Гив был одним из тех, кто сразу после войны попытался рассказать в подробностях о том, что произошло. Вначале он просто хотел поведать об этом отцу при помощи папки с рисунками. Во время войны отец Томаса жил в Англии, и ему даже в страшном сне не могло присниться, через что пришлось пройти его сыну. Затем Томас перенес воспоминания в слова и попробовал их опубликовать, но его ждало разочарование. Однако он не сдавался. И вот уже семьдесят пять лет он — устно, письменно и при помощи иллюстраций рассказывает историю, которую вы сейчас прочтете, историю, которая перенесет вас в глубины жуткого мира нацистских концлагерей, в котором дети, такие как Томас, были всего лишь расходным материалом.

Томас Гив — выдающийся документалист. Он исполнился решимости в деталях описать то, что про-

исходило в немецких концлагерях еще в Освенциме, когда нашел уголь, обрывки бумаги от мешков с бетоном (Томас работал в строительной бригаде), и стал зарисовывать все, что творится вокруг. Эти наброски не сохранились, но воспоминания о том, что было изображено на тех клочках бумаги, у него остались, и сразу после окончания войны Томас вновь принялся рисовать. Он увидел, как другие бывшие узники записывают истории о недавнем прошлом. Ему тоже было о чем рассказать. По какой-то необъяснимой причине попавшему в Освенцим мальчику тринадцати лет хватило присутствия духа углубиться в детали: проверить, измерить, подсчитать и запомнить. Распорядок дня он описывает по часам, а порции — с точностью до грамма. Его память сохранила даже цвета нашивок, которые носили заключенные.

Вероятно, Гив в столь юном возрасте осознал то, что взрослым открылось лишь годы спустя: все, даже мельчайшие подробности функционирования системы концентрационных лагерей, являются ключом к пониманию самой природы преступления. Благодаря врожденной любознательности он понял, что злодеяние было настолько невероятным, что в него действительно можно не поверить, и придет день, когда детали забудутся. Он оказался прав: в тщательно спроектированных газовых камерах лагеря Аушвиц-Биркенау, который был сердцем отлаженной машины смерти нацистского государства, более миллиона евреев были отравлены газом. По сей день эти события остаются беспрецедентными и заслуживают нашего внимания, но ведь это далеко не все, что там происходило. Вокруг конвейеров уничтожения развернулся настоящий садистский механизм ежедневных пыток и издевательств. Все это нашло отражение в первых рисунках, а затем и в тексте Гива.

Я заметил, что воспоминания выживших с течением времени почти не меняются. Еще я заметил, что чем раньше они были записаны, тем больше вероятности, что в них найдут отражения детали из личного опыта рассказчика, без примеси общих мест и ожиданий читателей. И воспоминания Гива прекрасный тому пример. Первые наброски он сделал в Освенциме в 1944 году, а в 1945 году их продолжила серия из более чем 80 рисунков. Часть из них вошла в эту книгу. Позднее, в 1947 году, когда воспоминания были еще свежи и не затянuty пеленой рефлексий, он написал текст, который был опубликован в 1958 году под названием «Юность в цепях». После войны прошло еще совсем немного времени, и личные подробности о других узниках и друзьях Томаса, которых он приобрел и потерял в лагерях, еще не стерлись из памяти. Мы узнаем о царившей в лагерной иерархии нравственной неопределенности, об охватившей узников эпидемии сексуального насилия, о которой выжившие впоследствии предпочитают не рассказывать. Мы узнаем о силе дружбы и тех жертвах, на которые люди были готовы пойти ради того, чтобы выжить. И хотя ни для кого не секрет, что это желание часто подталкивало людей к взаимовыручке, особенно в женских бараках, я никогда прежде не слышал свидетельств о продовольственном пакте, который придумали Томас и трое его друзей. В его истории есть детали, о которых никогда прежде не шла речь в воспоминаниях других заключенных.

Прибытие Гива в Освенцим описано четко, точно и... холодно. «На километры вокруг не росло ни одного дерева, сплошные голые поля. Вдалеке клубился густой туман, в котором скрывалось то, что уже поджидало нас». Гив точно описывает прибытие в Освенцим на малоизвестную Alte Juden-Rampe (Старую еврейскую платформу), которая располагалась на пу-

стыре вдали от лагерных сооружений. На нее прибыло свыше 600 000 евреев, но в более поздних источниках о ней почти не упоминается потому, что представление, будто поезд заходит в Биркенау, где его со всех сторон обступают бараки, а на платформе уже ждет Йозеф Менгеле в белых перчатках, превратилось в официальную версию прибытия в Освенцим. Но Гив тогда не знал об этом, и рассказал только о том, что знал. О том, что пережил сам.

И даже спустя семьдесят пять лет его описания звучат грубо и достоверно, а этого можно добиться, только если зафиксировать все по «горячим следам». Он сообщает о группах узников, таких, например, как цыгане или политические заключенные, о которых из других источников было мало что известно. И делает это с обезоруживающей ясностью. Его описание «марша смерти» — когда узники, преодолевая слабость и боль, шли и поддерживали друг друга, — свидетельствует о том, что даже в тяжелейших обстоятельствах великодушие и чувство единения не покидали их. Благодаря воспоминаниям Гива к нам приходит очень важное осознание: узники понимали, что творится вокруг них, знали, как это происходит. Единственное, не могли осознать масштаб того, что разворачивается прямо у них на глазах. На одном из рисунков Гив делает пометку, что всего в газовых камерах погибли сотни тысяч человек. Нельзя упрекнуть его в ошибке: узникам не сообщали статистику по умершим. И как бы он мог догадаться, что число евреев, цыган и остальных погибших окажется в разы больше?

Я благодарен Чарльзу Инглефельду за то, что он сохранил основную часть первоначальной рукописи. Издание, которое вы держите в руках, результат почти восьми десятилетий исправлений и дополнений, но его костяк верен рукописи 1947 года, изданиям «Юность в цепях» 1958 года и «Винтовки и колючая

проволака» от 1987 года (я писал рецензии на обе книги). В отличие от фотографии или списка поездов, воспоминания не могут считаться доказательством. Но все же это исторический документ, сохранивший подлинные сведения о многих и многих людях.

Свидетельства — это расширенный опыт автора, рассматриваемый годы спустя сквозь непрестанно меняющуюся призму времени. Но Гив твердо решил следовать за своим первым текстом и выстраивать повествование в соответствии с теми впечатлениями, которые он записал сразу после войны. И по сей день он переносит нас во времена, когда впервые рассказал свою историю, — и именно это делает книгу такой уникальной и такой правдивой.

Я призываю вас не пролистывать рисунки Гива. Задержитесь на них. Свидетельства очевидцев крайне редко передаются одновременно и через изображение, и через текст. Нам повезло. Простые детские рисунки противостоят сложной истине, заложенной в них. Я представляю себе пятнадцатилетнего мальчика, яростно рисующего на анкетах для лагерного персонала со свастикой на обороте, а в это время где-то неподалеку еще идет война. Но даже тогда этот мальчик знал, что стал глазами и ушами мира.

Ими он остается и по сей день.

Стивен Д. Смит,

Исполнительный директор фонда Финчи-Витерби

Председатель фонда «USC Shoah Foundation»

Председатель ЮНЕСКО по образованию

в области геноцида

Введение

В ноябре 1945 года я приехал в Лондон с чемоданом, в котором лежала папка с рисунками — немой свидетель почти двух лет жизни и противостояния смерти в концентрационном лагере. Альбом предназначался моему дорогому отцу Эриху, которого я не видел все шесть долгих лет войны.

Спустя год со мной связался молодой энергичный журналист. Мы познакомились, он посмотрел альбом и решил, что мир должен его увидеть. Он же убедил меня перевести рисунки в слова, что я и сделал. Факты и сцены из карандашных рисунков обрели новую форму выразительности. Слова воскресили воспоминания, ощущения, мысли, страхи, радости и победы — все то, чем наполнялась жизнь в тяжелые военные годы. Они дали мне возможность рассказать о людях, с которыми меня свела судьба. Я видел их самое разное поведение: от отчаяния до надежды, от пораженчества до отваги, от жестокости до милосердия. Я все это постарался описать... Но самое главное то, что эти истории подарили голос моим товарищам, которым не суждено было дожить до дня освобождения. Мой мир стал их миром. Мои слова подарили их мечтам и надеждам, столь бесчестно и рано загубленным, вечную жизнь.

В 1946 году мир был не готов слушать. И хотя лондонские издатели разделили интерес того журналиста к моей истории, им не хватило рвения ее напечатать.

— А паренек-то не Пикассо, — говорили они.

— Читателям сейчас подавай более жизнерадостные темы.

И редкому издательству в послевоенной Европе были по карману цветные иллюстрации.

Но мое стремление рассказать миру о том, что на самом деле происходило в Европе во время Второй мировой войны, никуда не исчезло. В 1958 году впервые вышла в свет книга моих воспоминаний. Маленькая книжечка в мягкой обложке. Я хотел защитить свою частную жизнь, а также верил, что эта история не только обо мне — это история моих товарищей по концлагерю, история целого поколения, и потому взял себе псевдоним. Имя «моего свидетеля» — Томас Гив, и он остается частью меня и по сей день.

Все эти годы мои рисунки и воспоминания публиковались на разных языках, а также появлялись в средствах массовой информации. Я стал активно выступать перед школьниками и взрослыми по всей Европе.

Летом 2019 года со мной связался другой журналист — Чарльз Инглефельд. Воспоминания произвели на него сильное впечатление, и он посчитал, что их нужно переиздать в расширенной версии. Интерес этого молодого человека к событиям семидесятилетней давности согрели мое сердце. Но на этот раз его энтузиазм разделило издательство *HarperCollins*. Для нас большая честь работать с ним.

Семьдесят пять лет назад я задался целью сохранить правду. Делом всей моей жизни стал пересказ фактов, деталей и историй, чтобы в них верили и никогда их не забывали.